

Литература

1. Актуальные направления реформы уголовного судопроизводства в Республике Казахстан. URL: <https://pandia.ru/text/78/049/36075.php>.
2. Информационная система «Единый реестр досудебных расследований» Генеральной прокуратуры Республики Казахстан: руководство пользователя. Астана, 2015. URL: <https://docplayer.com/69849487-Informacionnaya-sistema-edinyy-reestr-dosudebnyh-rassledovaniy-generalnoy-prokuratury-respubliki-kazahstan-rukovodstvo-polzovatelya.html>.
3. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 г.) (с изм. и доп. по состоянию на 23.03.2019). URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_.
4. Меркель И. Во главу угла – защиту прав граждан: беседа с первым заместителем Генпрокурора РК И.Д. Меркелем / записала Г. Бектурова // Казахстанская правда. 2012. 21 августа. № 279. С. 5.
5. Уголовно-процессуальное право Республики Казахстан. Движение уголовного дела (Общая и Особенная части) / под ред. М.Ч. Когамова, А.А. Касимова: учебник. Алматы: Жеті жарғы, 2013. 1013 с.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗПК. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852&doc_id2=31575852#activate_doc=2&pos=265;-100&pos2=1432;-106.
7. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗПК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226>.

А.А. Лукьянова

Барнаульский юридический институт МВД России

К ВОПРОСУ О ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИИ ПРАВОМ НА ЗАДЕРЖАНИЕ

Государство взяло под защиту права и свободы человека и гражданина, но при этом установило исключительные случаи ограничения указанных правовых возможностей средствами принуждения, объясняя такую необходимость публичными интересами. Неоправданное ограничение и нарушение конституционных прав и свобод человека и гражданина имеют место в правоприменительной деятельности, в т.ч. в результате злоупотребительного поведения должностных лиц, невзирая на правовые гарантии справедливости правоограничения, среди которых основания, допустимые пределы, соразмерность, процессуальная форма, предусмотрительно регламентированные законодателем.

Наиболее концентрированными формами ограничения гарантированного ст. 22 Конституции РФ права на свободу и личную неприкосновенность являются заключение и содержание под стражей, задержание, при этом последняя форма, по сути, имеет оперативный досудебный характер.

Заметим, что Конституция РФ допускает (именно допускает!) досудебное ограничение свободы и личной неприкосновенности посредством задержания сроком до 48 часов. Одним из таких видов

задержания является уголовно-процессуальное, регламентированное ст. 91-92 УПК РФ. Несмотря на сформулированное в ч. 1 ст. 91 УПК РФ нормативное положение о том, что «орган дознания, дознаватель, следователь¹ вправе задержать лицо по подозрению в совершении преступления», удобоваримым представляется использование словосочетания не «вправе задержать», а «уполномочен задержать». Объясняется данное умозаключение тем, что применительно к следователю ограничение права на свободу и личную неприкосновенность путем задержания будет являться не субъективным правом, а полномочием должностного лица, осуществляющего уголовно-процессуальную деятельность.

Как справедливо утверждает О.В. Желева, в отличие от реализации субъективного права, при осуществлении полномочий субъект не может свободно выбирать способ их использования или воздержаться от их исполнения [3, с. 66]. Руководствуясь интересами службы, следователь использует в своей профессиональной деятельности уголовно-процессуальное задержание, чтобы в разумные сроки

¹ Для удобства изложения автор, объединив перечисленные термины, будет использовать категорию «следователь».

обеспечить реализацию назначения уголовного судопроизводства.

Процессуальные полномочия, регламентированные уголовно-процессуальным законодательством, возлагаемые на представителей органов предварительного расследования, следует относить к числу должностных обязанностей. Пренебрежение же требованием исполнения этих обязанностей в соответствии с назначением уголовного судопроизводства влечет за собой признание соответствующего решения или действия (бездействия) случаем злоупотребительного поведения.

Т.В. Трубникова утверждает, что термин «злоупотребление правом в уголовном процессе» допустимо использовать в широком смысле, включая в его содержание не только злоупотребление участниками своими субъективными правами, но и злоупотребление должностными лицами своими полномочиями. Автор сформулировал признаки, наличие которых позволяет констатировать и наличие злоупотребления должностными полномочиями, например, если объективным результатом реализации должностным лицом своих полномочий будет неоправданное ограничение или угроза нарушения конституционного права лица, вовлеченного в уголовное судопроизводство [5].

В доктрине уголовного процесса злоупотребительное поведение формально может оставаться правомерным и определяться как «использование субъектом уголовного процесса имеющейся у него возможности (субъективного права или дискреционного полномочия), которое, формально не нарушая закрепленной в законе правовой нормы, определяющей пределы и порядок реализации соответствующей возможности, в то же время противоречит назначению указанной нормы, если вследствие этого нарушаются или могут быть нарушены конституционные права, законные интересы других участников уголовного судопроизводства, общественные интересы» [2].

Следует согласиться с мнением О.В. Желевой о том, что ряд полномочий должностных лиц имеет дискреционный характер, предполагающий возможность реализации некоторых из них по усмотрению властных субъектов, возможность выбора между альтернативными вариантами поведения [3, с. 67]. Лицо, уполномоченное осуществлять уголовное судопроизводство, в силу требования ч. 2 ст. 21 УПК РФ не может отказаться при наличии к тому оснований от принятия решения о возбуждении уголовного дела и производстве предварительного расследования, об уголовном преследовании лиц, этому преследованию подлежащих. Однако самостоятельно определяет используемый им комплекс

следственных и процессуальных действий и объем применяемого принуждения. В уголовном процессе принцип публичности доминирует при формировании условий оценки факта и обстоятельств злоупотребления правом [1].

В свою очередь, полагаясь на беспрекословное соблюдение государственными органами и должностными лицами принципов законности и свободы оценки доказательств, законодатель все чаще использует в урегулировании уголовно-процессуальных правоотношений оценочные категории, например такие, как «существенность», «разумность» или «явность». В частности, среди оснований для задержания имеется формулировка «явные следы преступления», которая позволяет правомочителю на основании внутреннего убеждения оценить очевидность обнаруженных следов преступления, дающих основания подозревать задерживаемого в совершении преступления.

Дискреционный характер полномочий по задержанию заключается не только в предусмотренной законом альтернативе задерживать лицо или иным образом обеспечить нахождение подозреваемого в условиях процессуальной доступности, но и в самом 48-часовом сроке задержания. В указанных временных пределах уполномоченное должностное лицо фактически самостоятельно планирует и организует деятельность по проверке подозрения.

Формально действия следователя, применившего уголовно-процессуальное задержание, контролируются (речь идет о таких временных рубежах, как 3 часа на составление протокола задержания, 3 часа для реализации права задержанного на телефонный разговор, 24 часа на допрос подозреваемого). Вместе с тем указанные требования не обязывают должностное лицо незамедлительно проводить необходимые для проверки имеющего в отношении задержанного подозрения следственные и иные процессуальные действия, что и может стать почвой для злоупотребительного поведения.

Фактически должностное лицо не совершает активных действий, явно выходящих за пределы его полномочий, которые могли повлечь существенное нарушение конституционного права [4], поэтому не подлежит ответственности по основаниям, предусмотренным ст. 286 УК РФ. В равной степени не понесет ответственности лицо в соответствии с требованиями ст. 285 УК РФ и в случае злоупотребления дискреционными полномочиями при оценке явности следов преступления как основания к задержанию, потому как субъективное внутреннее убеждение исходит из оценочной категории, имеющей абстрактное значение и не определенной исчерпывающим образом в законе.

Завершая свои рассуждения, автору хотелось бы обратить внимание на то, что злоупотребительное поведение должностных лиц в процессе реализации полномочий по уголовно-процессуальному задержанию результатом своим имеет вредоносное

неоправданное ограничение, а в некоторых случаях непоправимое нарушение конституционного права. Несмотря на формальную правомерность, злоупотребление правом (полномочием) на задержание недопустимо.

Литература

1. Азаров В.А., Нурбаев Д.М. Категория «злоупотребление правом» в уголовном процессе РФ: межотраслевой взгляд // Вестник Томского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 3 (21). С. 5-12.
2. Андреева О.И., Трубникова Т.В. Принятие судом решения о наличии в деянии лица злоупотребления // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 438. С. 194-200.
3. Желева О.В. Злоупотребление обвиняемым субъективными правами в ходе предварительного расследования: понятие, виды и пути его преодоления: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2018.
4. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Трубникова Т.В. Злоупотребление правом в уголовном процессе: критерии и пределы вмешательства со стороны государства // Вестник Томского государственного университета. Серия: Право. 2015. № 3 (17). С. 65-78.

*О.Г. Михайлова, канд. юрид. наук, доцент
Барнаулский юридический институт МВД России*

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ПРОВОДИТСЯ ДОСЛЕДСТВЕННАЯ ПРОВЕРКА

Несовершеннолетние лица в силу своего возраста и специфических свойств незрелой личности часто склонны к нарушению норм права. В этой связи они становятся объектом проверок по заявлениям и сообщениям о преступлениях, являясь участниками уголовно-процессуальных отношений в стадии возбуждения уголовного дела. Вместе с тем необходимость обеспечения прав лиц названной категории вызывает объяснимые сложности в практической деятельности.

Проблема обеспечения прав несовершеннолетних традиционно представляет интерес как для лиц, осуществляющих расследование, прокуроров, судей, так и для представителей адвокатского сообщества. Очевидно, что лишь взвешенный подход к регламентации производства по делам несовершеннолетних способен нивелировать «острые углы», неизбежно возникающие в названном виде производства. Несмотря на разработанность указанного института, ряд норм нуждаются в доработке и конкретизации. Одним из актуальных вопросов, связанных с производством по делам несовершеннолетних, является определение его правового статуса в стадии возбуждения уголовного дела и, со-

ответственно, механизм реализации им своих прав и обязанностей как лично, так и посредством своего законного представителя. Проблемы правового статуса несовершеннолетнего в разные периоды посвящали свои исследования такие ученые-процессуалисты, как А.С. Дежнев, Ф.К. Зиннуров, З.И. Карякина, Л.И. Лавдаренко, Е.В. Марковичева, А.П. Рыжаков, В.Ю. Стельмах [4], С.В. Тетюев, Е.В. Цветкова [6], П.С. Элькинд [7] и многие другие.

Действующие международные нормы, закрепленные в базовых документах о правах несовершеннолетних, таких как Конвенция о правах ребенка [1], Пекинские правила [2], строятся на принципах гуманизма и всестороннего содействия несовершеннолетнему лицу, оказавшемуся в сфере уголовного судопроизводства на любой из его стадий. Очевидно, что стадия возбуждения уголовного дела, как одна из стадий уголовного судопроизводства, также призвана обеспечить дифференцированный подход к несовершеннолетнему лицу, в отношении которого проводятся проверочные мероприятия в рамках ст. 144 УПК РФ [5] и обеспечить реализацию его прав в полном объеме.